

Л.В. СМОРГУНОВ *

**ЗНАНИЕ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ОТ УТВЕРЖДЕНИЯ НОРМЫ К СУЖДЕНИЮ¹**

Аннотация. В противоположность нормативному и структурному подходам в статье предлагается рассмотреть роль и значение фактора знания в развитии коммуникационных процессов публичного управления. Современное публичное управление перестает ориентироваться только на нормативные условия устойчивого порядка, а все более использует суждение для достижения управляемости.

Ключевые слова: публичное управление; знание; публичная коммуникация; суждение.

L.V. Smorgunov

Knowledge and public administration: From ordered rule to judgment

Abstract. In contrast to the normative and structural approach the article proposes to consider the role and importance of the knowledge factor in the development of communication processes of public administration. Modern public administration is no longer relying solely on the regulatory environment for sustainable order, but increasingly uses judgment to achieve governability.

Keywords: public administration; knowledge; public communication; judgment.

* **Сморгунов Леонид Владимирович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного ун-та, e-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Smorgunov Leonid, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ N 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

Исследование государственного управления в России относится к приоритетным научным направлениям. Его изучением занимаются экономисты, юристы, социологи, политологи, историки, культурологи и ученые других отраслей общественного и гуманитарного знания. В центре внимания исследователей находятся идейные основания и научные основы государственного управления [Атаманчук, 2004], институциональные условия осуществления государственной власти [Олейник, 2011; Купряшин, 2012; Слатинов, 2012], общесоциальные и правовые условия и механизмы государственного управления [Охотский, 2008; Иванов, 2014], принятие и исполнение государственных решений [Дегтярев, 2004; Соловьев, 2014], аксиологические проблемы государственного управления [Волкова, 2013], административные реформы [Административные реформы... 2008]. В последние годы усилилось внимание к сетевому анализу государственного управления и политики [Курочкин, Шерстобитов, 2012; Михайлова, 2013]. Следует, однако, отметить, что доминирование структурных и институциональных подходов (включая сюда неонституционализм) являются заметными методологическими инструментами анализа государственного управления. Хотя ясно, что изучение нормы и ее осуществления в государственном управлении предоставляет богатый исследовательский материал для познания процессов осуществления государственной власти, тем не менее в современном процессе политико-государственного управления растет значение новых факторов и условий. Такие категории, как лидерство, сотрудничество, символическая власть, интерпретация, идейная инновация, миссия, коммуникация, дискурс, способности, состоятельность, публичность, начинают теснить привычные нормативные и структурные описания государственного управления. В связи с этим следует обратить внимание на то, что порядок в государственном управлении, опираясь на нормативные основания, уже не может быть обеспечен без интерпретации нормы, постоянной легитимации властных отношений и без использования коммуникативных средств взаимодействия множества участников принятия и реализации государственных решений. Да и сам порядок сегодня все больше описывается в понятиях управляемости, а не стабильности. Нормативная дисциплинированность не может полностью обеспечить развитие общества в условиях быстро изменяющихся обстоятельств, требуются другие средства и стимулы. И здесь следует

подчеркнуть значение такого фактора современного управления, как знание.

Государственная управляемость в условиях неопределенности выступает в этом отношении в трех понятиях: (1) управляемость как способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; (2) управляемость как постоянная координация государством ответственных интересов в публичном пространстве выработки и реализации публичной политики; (3) управляемость как обеспечение политическими институтами справедливости и повышения качества жизни. В целом «управляемость демонстрирует различные профили разнообразия, динамики и сложности, завися от сочетания открытых и закрытых управленческих интеракций на их интенциональном и структурном уровнях» [Kooiman, 2010, p. 204]. В общем государственная управляемость соотносима и с конкурентоспособностью государства, и с его суверенитетом как способностью координировать публичную власть, на субъектность реализации которой притязают негосударственные акторы. Изменяется природа государственного насилия. Координация посредством легитимного насилия и приказа уступает место координации посредством вовлечения в публичность. При этом публичная власть выступает как постоянно согласуемая воля координируемого сообщества, а не принадлежность неразделенного единства. В этом отношении когнитивные элементы и факторы становятся определяющим условием согласуемой воли координируемого сообщества. Не норма, которая всегда выступала границей объединения и согласия, а суждение, высказанное в процессе коммуникации, приобретает колоссальную роль в публичной политике и управлении.

Когнитивная модель управления

Современная теория управления стоит перед вызовом, который определяется трансформацией общества и всех составляющих его сфер в условиях повышения роли коммуникационных и когнитивных процессов и механизмов. Симптомами изменений здесь следует назвать, во-первых, интерес к фукианской идее «управленческой ментальности» (*governmentality*), которая стала рассматриваться в качестве методологии размышления о различных

феноменах управления – человека самим собой, своей душой, своим поведением, коллективное управление, управление семьей, вплоть до политического управления. Общий смысл данного подхода состоит в том, что существуют плюральность и частичная несовместимость различных практик управления человеком своим поведением, определяемые сменой ментальных конструкций. При этом управление не рассматривается только как монополярная принадлежность государства, это – управление поведением в широких и разнообразных смыслах: человека – самим собой, групповое управление, управление детьми, управление душой, болезнью и т.д. вплоть до политического управления. Если «управленческую ментальность» понимать как форму политического анализа, то она «нацеливает быть критическим и рефлексивным; она пытается сделать ясными формы политического разума и этических допущений, которые воплощены в нашей деятельности по управлению. Смысл здесь в том, что управление никогда не является общей или родовой деятельностью... Она раскрывается как активность, которая является “редкой”, всегда исторически партикулярной» [Walters, Naahr, 2005, p. 290–291]. Во-вторых, в теории организации и основанном на ней менеджменте парадигмальные изменения связаны с концепцией ресурсной теории и стратегического управления, в которых интеллектуальные ресурсы стали рассматриваться в качестве самого значимого элемента развития и эффективности действия. В-третьих, в публичном управлении на первый план исследования выходят дискурс-методы анализа, нарративный подход, герменевтический анализ, конструктивизм, которые теснейшим образом связаны с гуманитарными, человеческими составляющими управления. В организационном плане сюда добавляются сетевой анализ и коммуникативистика, новый институционализм с его акцентом на идеях и интерпретативной рациональности. В-четвертых, практика управления уже не может обойтись без включения в свой арсенал знания, коммуникации, образов и репутаций. Обычной становится деятельность по управлению знаниями, имиджами, брендами и т.д. В-пятых, производство знания становится значимой сферой как в масштабе страны, так и на уровне отдельных сфер, отраслей, организаций, фирм, учреждений. Система образования, сохраняя свою автономность, включается в интеграционные связи, а материальное производство вынуждено разрабатывать свои ниши создания знания и управления им. Производство знания

становится производительным в прямом и непрямом смысле этого слова. В этих условиях управление как организационное творчество приобретает новые черты и начинает, с одной стороны, реагировать на изменения, перестраивая себя, с другой – оно само становится частью интеллектуального производства, создания и развития знаний. Понятие «интеллектуальная организация» начинает использоваться довольно широко, а ее содержательные характеристики тяготеют к управленческой проблематике.

Для сравнения роли знания в современной теории управления с предыдущими теориями и для того, чтобы подчеркнуть, как знание проблематизирует управленческую тематику, обратим внимание на три теоретические конструкции управления: научная теория, информационная теория и когнитивная теория. Подчеркнем, что научная теория управления (А. Файоль, Г. Форд, Ф. Тэйлор, Л. Гулик) и информационная теория управления (Н. Винер, У. Эшби, П. Друкер) относятся к одному и тому же типу управления, который связан с эпохой веры в рационализм и независимость управления от объекта управленческого воздействия. Они имеют сходные характеристики в отношении использования когнитивных ресурсов (информация), хотя имеют и различия.

Для них характерен информационный подход к данным ресурсам, хотя характер и содержание необходимой для управления информации здесь различаются. Научная теория рассматривает управление с точки зрения объект-субъектных отношений, сводя информационный компонент к совокупности данных об объекте, с помощью которых организуется эффективная деятельность объекта. Направленность информации на функции организации определяется ее репрезентативным характером и инструментальной ценностью. Управление здесь является внешним агентом по отношению к деятельности, которую оно налаживает. Оно руководствуется некоторыми универсальными законами, относящимися и к объекту управления, и к самой управленческой деятельности. Управленческим аналогом законов здесь выступает *норма*, которой организуются и управляющие и управляемые.

Информационная теория управления тоже базируется на информации. Более того, здесь информация выступает движущей силой самоорганизации системы, куда встроен механизм управления в качестве ее необходимого звена. Деятельность управления и деятельность самоорганизующейся системы здесь сочетаются. Но

использование когнитивных ресурсов в таких системах отличается направленностью на стабилизацию, на поддержание равновесия с внешней средой. Сигнальная природа информации здесь имеет репрезентативный характер, а управленческое воздействие осуществляется посредством целеполагания.

Переход к обществу, основанному на знаниях и коммуникативных процессах, проблематизирует теорию управления и изменяет роль и место этих компонентов в управленческих системах. Современная теория управления, будь то менеджмент или публичная администрация, радикально меняет отношение к когнитивным составляющим управленческого процесса. Из инструментального фактора управления, пусть и процессуально значимого для него, когнитивные компоненты превращаются в субстанцию конструирования организации, организационных отношений, деятельности людей, связей со средой и т.д. Этому способствуют трансформации в самой системе когнитивных факторов, когда на первый план выходят не информация, а знание и познание (*knowledge and knowing*). То, что в данном тексте называется «когнитивной теорией управления», лишь отчасти относится к когнитивным наукам. Подразумевается более широкое понимание, захватывающее стиль и методологию размышления об управлении, основанном на знании. Знание является типом когнитивного ресурса, который приобретает субстанциональное значение для публичной управленческой деятельности. Оно занимает центральное место во взаимодействии участников координируемого общественного пространства и выражает общее стремление не в виде функций или целей (т.е. предписанных направлений деятельности), а в форме миссии, которая лишь обозначает общий вектор движения общественного целого, его аксиологию и идейную парадигму. Оценка публичного использования разума основывается на совместном процессе размышления о возможности социального развития, неизбежная конфликтность которого (спорная политика) определяет спектр политических возможностей для инноваций на основе общей убежденности в возможности поиска и достижения согласия относительно институтов, процессов, средств и перспектив. Этому служит человеческая способность общения, значимость которой сегодня невозможно не отмечать. В политико-философском смысле современная эпоха – это время возрождения коммуникации. Как пишет Джордж Агамбен, «эпоха, в которую мы живем, на деле является также

эпохой, когда люди впервые обретают возможность получить опыт своей собственной речевой сущности, – не того или иного содержания речи, не того или иного истинного предположения, но *самого факта, что мы говорим*» [Агамбен, 2015, с. 116]. Отсюда политическая реальность не может рассматриваться отдельно от того, как эта реальность производится (конструируется) в процессе коммуникативного действия.

Конструктивистский подход к управлению

Конструктивизм является сегодня одним из методологических подходов, объединивших ряд идей таких направлений в изучении политики и управления, как новый институционализм, когнитивистика, теория автопоейтических систем, интерпретативизм, идеи постмодернизма и др. В целом можно говорить о том, что на его становление и развитие повлияли философия коммунитаризма, коммуникативная теория и концепция общества знаний. Марта Финнемор и Кетрин Сиккинк пишут о следующих конкретных теориях, которые так или иначе проработаны конструктивистами: фукианский анализ власти и дискурса, теории агентств и культуры, идеи самопрезентации в публичной жизни, понятие «безопасных коммун» Дейча, идеи организационного поведения и теория социальных движений, теория коммуникативного действия Хабермаса, теория переговоров и др. [Finnemore, Sikkink, 2001, p. 394]. Суть конструктивистского подхода состоит в том, что в нем общественные отношения, выраженные в нормах, конституциях, денежной форме обмена, власти, культурных традициях и др., являются конструктами «интерсубъективных» верований, разделяемых идей и мнений. Факторы человеческого сознания являются значимым элементом формирования интересов и направленности общественной деятельности в целом. Как подчеркивал Александр Уенд применительно к изучению международных отношений, «социальные структуры включают материальные ресурсы наподобие золота и танков. В противоположность десоциализированному взгляду неореалистов на такие способности конструктивисты утверждают, что материальные ресурсы имеют значение для человеческого действия единственно через структуры совместного знания, в которых они выражаются... Материальные способности

как таковые ничего не объясняют; их результативность определяется структурами совместного знания, которые изменяются и которые не сводятся к [этим] способностям» [Wendt, 1995, p. 73; Dessler, 1999, p. 126]. Конструктивистский подход выдвигается в общественной науке как против материалистического детерминизма, так и против теории рационального выбора, ставящей акцент на индивидуальной рациональной калькуляции выгод и потерь. Однако, как и теория рационального выбора, конструктивизм лишь моделирует социальное человеческое действие, но не указывает на его содержательные составляющие, имеющие отношение к тем или иным сферам или конкретным вопросам. Он определяет лишь некоторые исходные предпосылки анализа социального действия, будет ли оно совершаться в сфере политики, экономики, права и т.д. «При конструктивистском анализе агенты и структуры взаимно конституированы теми способами, которые объясняют, почему политический мир является таким, а не другим, но субстанционная спецификация агентов и структур должна приходиться из некоторого другого источника. Ни конструктивизм, ни теория рационального выбора не обеспечивают содержательных объяснений или прогнозов политического поведения, пока оно не будет соединено с более специфическим пониманием, кем являются соответствующие акторы, чего они хотят и каким контекст социальной структуры мог бы быть» [Finnemore, Sikkink, 2001, p. 393].

В качестве общих предпосылок конструктивистского подхода можно выделить следующие положения:

– социальные системы могут быть объяснены в качестве социальных конструктов, возникающих в процессе социального действия;

– социальное действие не является индивидуальным актом, а представляет собой «интерсубъективную» структуру, т.е. систему взаимодействий людей;

– хотя люди посредством социального действия добиваются реализации определенных интересов и целей, однако последние не берутся в качестве само собой разумеющихся исходных оснований деятельности; интересы и цели также являются социальными конструктами;

– люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты, ценностная структура которых определяется тем, как люди понимают тот мир, в котором они живут; соци-

альные факты являются выражением тех ценностей, которые совместно выбирают люди;

– люди соглашаются считать то или иное ценным в результате серии коммуникативных практик, т.е. достигнутого согласия относительно обсуждаемого предмета;

– в процессе коммуникативных практик люди обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основании достигнутого согласия о ценностях; в этом отношении идеи имеют значение и являются конститутивными для так понятой социальной реальности.

Можно сказать, что идеи и коммуникация составляют существо конструктивистского подхода к анализу социальных фактов и процессов. И в политике, включая государственное управление, идеи и коммуникации являются конститутивными и находятся сегодня в центре внимания ряда исследователей. Однако следует различать «строгих» и «мягких» конструктивистов. Первые относятся к тому направлению конструктивизма, который можно определить как «онтологический конструктивизм», т.е. здесь господствует представление о социальной реальности как созданной взаимодействием людей, являющейся «интерсубъективной». Мягкие конструктивисты не рассматривают проблему статуса социальной реальности, а полагают, что в любом случае при изучении различных социальных объектов необходимо учитывать конструктивную роль идей, от которых зависят наши решения, выбор методов и направлений деятельности. В этом отношении нельзя на практике жестко провести границу между тем, что есть, и тем, что должно быть. Конструктивистская методология говорит о том, «что реальность не является идеалистически сконструированной, но любое понятие, любое описание, любой рассказ о реальности формирует то, что можно рассматривать, включая проблему решений» [Andersen, 2005, p. 895]. В определенном смысле идеи задают границы принимаемых решений.

В теории управления часто «знать» означает «быть информированным» о законах объекта и нормах, регулирующих деятельность и управленцев, и управляемых. Вместе с тем способности умственной деятельности в обществе знаний требуют не только интеллекта, но и того, что можно обозначить как нравственно-этические позиции и коммуникативные ориентации.

Различие между желанием знать и способностью мыслить здесь является определяющим. Кажется, что данные рассуждения очень далеки от практики современного управления. Однако это не так. Современное управление нагружено необходимостью формирования способности мышления на всех уровнях, будь то руководство или менеджмент. Возьмем, например, исследование управленческой практики, представленное в статье Хендрика Уогенара «"Познание" правил: административная работа как практика». Он пишет, как важно в управленческой практике не просто руководствоваться нормой, а трансформировать ее применительно к условиям ситуации, руководствуясь коммуниитарным характером общения с клиентами и сотрудниками, когда знание возникает в процессе коммуникации и составляет существо управленческой практики, включающей в себя большой нравственный аспект. Таким образом, не норма является условием координации управленческой деятельности, а intersubъективное суждение. Управленческая практика «требует не только того, чтобы мы применяли деконтекстуализированное знание, но чтобы мы обращали внимание на понимание человеческого опыта и форм жизни. Я полагаю, — пишет автор, — что это направляет нас в морально-политическую среду с высокой степенью неопределенности, которая сопровождает повседневную административную работу» [Wagenaar, 2004, p. 650].

Если суммировать новые черты возникающей концепции управления, которые бы раскрывали ее особенности в отношении структуры, методов и ориентиров, то «когнитивная теория управления» явилась бы некой моделью, с разной степенью полноты представленной сегодня и в различных отраслевых теориях управления, и в управленческой практике. Все эти характеристики можно найти при описании теории «governance», стратегического управления в бизнесе, ресурсной теории организации, сетевого подхода к управлению, управленческой герменевтики, менеджмента знаний и т.д. Современное управление окончательно теряет характер технической работы и превращается в значимый фактор порождения знания посредством управленческой коммуникации. Можно сказать, что в политическом отношении современная система управления характеризуется демократическим потенциалом и новыми гуманитарными подходами, учитывающими истинно человеческий характер взаимодействия людей, решающих разные

задачи, но все же остающихся разумными и способными понимать друг друга.

Общество знания затрагивает многие стороны современного общественного развития. Не случайно основной социальной группой будущего многие сегодня называют «работников знания», или «когнитариев». Общество знания прежде всего влияет на экономику, позволяя ей включать в основной актив современного производства – знание. Развитие технологической окружающей среды современных форм жизни модифицирует их, делает более информационно насыщенными и динамичными. Современное общество создает разветвленную информационную инфраструктуру, обеспечивающую современные потоки общения, движения товаров, производства услуг, культурное взаимодействие. Общество знания невозможно без инноваций, которые пронизывают современное производство, науку, культуру и общение. Инновационный характер деятельности заставляет учиться и делает образование решающей сферой развития производства и общественных отношений. Соответственно, приобретает существенное значение такой фактор развития, как инвестиции в людей и совершенствование их способностей.

В этом отношении технологии менеджмента знания начинают использоваться в публичном секторе довольно активно, а электронное правительство здесь служит удобным средством их реализации. Значение менеджмента знания для публичного сектора определяется рядом обстоятельств, среди которых обычно выделяют роль знания как средства конкуренции между публичными акторами и между публичным и частным секторами в деле производства товаров и услуг, которые становятся все более наполняемыми невидимым капиталом (знаниями); необходимость постоянного обучения и переобучения государственных служащих, когда, с одной стороны, знания устаревают очень быстро и когда, с другой стороны, в условиях подвижности кадров в управлении возникает проблема поддержания институциональной памяти и механизмов передачи опыта; усложнение целей политики и необходимость обмена знаниями в качестве фактора эффективной их реализации, минуя институциональные барьеры, разделяющие государственных служащих. Как пишут Крис Харман и Сью Брилэйд, «многие правительства в мире считают занятие лидирующей позиции в экономике знания существенным фактором будущего национального процветания. В этом ключе менеджмент знания, основанный

на электронных системах, явно рассматривается как перспективное средство предоставления правительством Великобритании услуг на всех уровнях... К этому следует добавить еще и стремление достичь “сочлененного правительства” (“jointed-up government”) (все уровни и агентства действуют вместе)».

Сегодня знания превратились в решающий фактор развития экономики, социальной сферы, политики и культуры. Требование управлять знаниями является необходимым условием конкурентоспособности современной организации в частном или публичном секторе. От этого в значительной мере зависит эффективность деятельности и потенциал развития любой организации. Современное публичное управление учитывает эту особенность и использует возможности новых информационных технологий для совершенствования процесса принятия решений, развития внутриправительственной деятельности, предоставления общественных услуг и в целом для построения новых демократических отношений между государством и обществом.

Как раз эти умения и навыки являются чрезвычайно важными в современном государственном управлении, ориентированном на сетевые структуры, сотрудничество и обмен знаниями. Новая концепция публичного управления включает в себя такие важные аспекты, как менеджмент знания и связанные с ним возможности открытого правительства.

Менеджмент знания в публичном управлении – новое направление организации деятельности государственных структур. Возникнув в качестве важнейшего фактора повышения эффективности деятельности бизнес-структур в 1990-е годы, в конце прошлого века он начинает использоваться и в публичном секторе, в органах законодательной и исполнительной власти. Особое внимание в связи с этим уделяется электронному правительству (электронные услуги) и открытому правительству (гражданское участие в принятии решений). По сути, менеджмент знания – это новые стратегии и технологии управления интеллектуальным капиталом организации, основанные на революции в знаниях и коммуникации.

Коммуникация в публичном управлении

Коммуникационные аспекты менеджмента знания в публичном управлении затрагивают его существенные характеристики и процессы.

Во-первых, менеджмент знания учитывает, что процессы получения, обработки и использования знания невозможны без коммуникации; при этом коммуникация понимается не только как передача информации (знание не сводится к информации), но и как процесс формирования разделяемых участниками организации ментальных моделей. В этом отношении публичное управление, хотя и базируется на нормативно-правовой определенности, но выходит в пространство публичной коммуникации, которая организуется не только для обсуждения (делиберативная демократия), для контроля и оценки (мониторинговая демократия), но и для превращения публичных суждений в инструмент координации взаимодействий при принятии и исполнении решений.

Во-вторых, коммуникация выступает центральным фактором расширения знания в организации, так как обмен знаниями в процессе общения взаимно обогащает его участников и создает дополнительный импульс для эффективной деятельности. И здесь публичное управление может включить в свой арсенал менеджмент знаний для формирования важнейшего условия эффективного политического управления – доверия [Сатаров, 2016], а затем и притока публичных знаний в виде постоянно порождаемых суждений как фактора политических инноваций для устойчивого развития. Здесь публичная коммуникация, реализующаяся в принятых решениях, порождает новый их тип – решение как суждение, а не как норма. Вот почему даже нормативные решения сегодня подвергаются постоянной практике интерпретации. Политическая роль суда в этом отношении становится все более заметной.

В-третьих, менеджмент знания посредством коммуникации организует то, что называется «организационным научением» («organizational learning»); способность научиться – это свойство не только членов организации, но и организации в целом. Понятие «организационного научения» вошло в организационную теорию вместе с пониманием роли интеллектуального капитала в деятельности организации. Научение в этом смысле становится процессом производства и воспроизводства интеллектуального капитала организации. В противоположность старой организации, где научение отождествлялось с обучением, а последнее рассматривалось в качестве хотя и планомерного, но все же спорадического процесса, разделенного по времени обучения и работы, современная интеллектуальная организация находится в постоянном процессе науче-

ния, а следовательно, значение приобретает процесс управления получением знания. В этом отношении следует различать организационное научение и обучение. Организационное научение является процессом изменения поведения организации (и людей в организации) под влиянием воздействия внутренних и внешних факторов организации. Научение осуществляется спонтанно в процессе жизнедеятельности организации. Организационное обучение представляет собой осознанное приобретение знаний и навыков поведения. В большинстве подходов организационное научение включает в себя и обучение, т.е. результатом такого научения будет изменение как поведения, так и сознания. Однако эти результаты не всегда совпадают. В этом отношении выделяют различные типы научения, определяемые соотношением изменений в сознании и в поведении.

Общая направленность изменений будет следующей: (1) научение превращается в перманентный процесс, связанный с решением основных задач организации, вплетенным в него, и затрагивает работников всех уровней; (2) особое внимание уделяется практическому знанию, «знанию как»; (3) акцент в обучении ставится скорее на процессах, чем на структурах и функциях, скорее на изучении опыта работы во многих организационных формах, работы в составе коллектива; (4) изменяется установка на обучение: внимание обращается преимущественно на формирование устойчивого интереса к самообучению, личной ответственности обучающегося за результаты обучения и получение знаний; (5) предпочтение отдается программам обучения, построенным на формировании умений производить оценивание деятельности, ее результативности и эффективности; вот почему технологии оценивания начинают применяться повсеместно; (6) современное научение и обучение нацелены на формирование инновационного мышления, методологическую культуру, восприимчивость к постоянному выбору новых решений и действий. Публичная политика и управление следуют общим правилам организационного научения, однако вносят в этот процесс свои особенности, которые определяются институциональной и контекстуальной спецификой публичной деятельности. Институциональная специфика связана с характером политических институтов (открытость, репрезентативность, кооперативность, ценностная ориентированность, правовая упорядоченность и др.). Контекстуальная специфика публичной дея-

тельности определяется связью политики с социетальными факторами, международными условиями, историческими традициями, ситуационными обстоятельствами. Научение в публичных структурах взаимодействия приобретает форму интегративного научения, соединяющего суждения и деятельность в политической культуре участия (политический актор знает о своем влиянии, он включен в политическую систему на основе доверия, он кооперируется с другими, признавая их значимость).

В-четвертых, эффект знания в организации определяется ее коммуникативными способностями в отношении внешнего окружения; обширные межорганизационные связи (а следовательно, и общение) позволяют более эффективно осуществлять выбор в условиях быстро изменяющейся ситуации. Действенность публичного управления, использующего ресурс знания, определяется системой коммуникативных способностей государств, гражданских ассоциаций, международных объединений и движений. Объем межорганизационных связей здесь является залогом проактивной реакции на возможные вызовы и изменения.

В-пятых, развитые организационные потоки коммуникации способствуют единой организационной культуре и повышению общей корпоративной ответственности за реализацию организационной миссии на основе совместного знания. Публичная ответственность не является категорией, описывающей внешний механизм санкций как фактора принуждения к выбору правильных действий. Она является внутренним качеством политических участников, возникающим в процессе обоснования публичных ценностей в суждениях.

В-шестых, организационное знание, функционирующее и обновляющееся в процессе коммуникации, составляет условие развития организации, позволяет снизить издержки «организационного торможения» реформ. Для публичного управления с ориентацией на инклюзивные институты совместное знание является значимым ресурсом общественного развития. Издержки «организационного торможения» социально-экономических и политических реформ снижаются за счет доверия и легитимности предпринимаемых действий.

Особое значение эти и другие коммуникационные компоненты менеджмента знания имеют для государственного управления, ориентированного на эффективное следование общественно-

му благу и сотрудничеству с гражданским обществом. С одной стороны, повышение уровня взаимосвязей между различными государственными структурами, с другой – невозможность выполнения задач без сетевых структур, включающих гражданские ассоциации и бизнес, увеличивают сложность организации управления. Эффективное управление в этой ситуации может быть достигнуто за счет в том числе формирования и институционализации совместных ментальных моделей, влияющих на процессы разработки, принятия и реализации государственных решений. Доверие к государству возникает на основе разделяемого знания, эффективным пространством для которого является сетевое взаимодействие.

* * *

Современная теория управления, учитывающая растущую роль знания, трансформируется и переходит от кибернетико-механистической парадигмы к гуманитарной теории. Особенно это заметно в тех отраслях управленческой теории, которая имеет отношение к управлению социальными системами. Вместе с тем ноосферное мировоззрение начинает активно воздействовать и на общую теорию управления. Метафора «коммуникации» является в этом отношении доминирующей при описании управления в условиях знания. Немалое значение придается и процессу управления производством знания, идущим от современной организационной теории. Пока доминирующим здесь является инструментальный аспект – производство знания как ресурса эффективности и конкурентоспособности деятельности организации. Однако гуманитарный подход, свойственный современной теории управления, заставляет и здесь выходить на более серьезные обобщения, связанные с пониманием способа жизнедеятельности людей в организованных формах взаимодействия.

Список литературы

- Агамбен Дж.* Средства без цели: Заметки о политике. – М.: Гилея, 2015. – 148 с.
Административные реформы в контексте властных отношений / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.Н. Олейника. – М.: РОССПЭН, 2008. – 368 с.

- Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. – М.: Омега-Л, 2004. – 584 с.
- Волкова А.В.* Публичные ценности и государственное управление в России. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2013. – 383 с.
- Десярев А.А.* Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.
- Иванов Н.Б.* Государственное управление в современной России. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 172 с.
- Купряшин Г.Л.* Модернизация государственного управления: институты и интересы. – М.: Изд. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 312 с.
- Курочкин А.В., Шерстобитов А.С.* Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2012. – 152 с.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 440 с.
- Охотский Е.В.* Государственное управление в современной России. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 548 с.
- Сатаров Г.А.* Доверие как объект политической социологии. Часть 1 // Полис: Политические исследования. – М., 2016. – № 1. – С. 121–138.
- Слатинов В.Б.* Реформирование государственной службы в России: Институциональные эффекты и ловушки. – М.: Агентство научных изданий, 2012. – 150 с.
- Соловьев А.И.* Принятие и исполнение государственных решений. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 496 с.
- Andersen S.* How to improve the outcome of state welfare service. Governance in a systems-theoretical perspective // Public administration. – New Jersey, 2005. – Vol. 83., N 4. – P. 891–907.
- Dessler D.* Constructivism within a positivist social science // Review of international studies. – Cambridge, 1999. – Vol. 25, N 1. – P. 123–137.
- Finnemore M., Sikkink K.* Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics // Annual review of political science. – Palo Alto, 2001. – N 4. – P. 391–416.
- Koorman J.* Governing as Governance. – L.: Sage, 2010. – 264 p.
- Wagenaar H.* «Knowing» the rules: Administrative work as practice // Public administration review. – New Jersey, 2004. – Vol. 64, N 6. – P. 643–656.
- Walters W., Haahr J.* Governmentality and political studies // European political science. – L., 2005. – Vol. 4, N 3. – P. 288–300.
- Wendt A.* Constructing international politics // International security. – Cambridge, 1995. – Vol. 20. – P. 71–81.